

Русский язык

УДК 811.161.1'373.4

Алефиренко Н.Ф.

ПОНЯТИЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*

Аннотация: Специфика синергетического пространства лингвокультуры обуславливается тем, что оно конституируется наномасштабным множеством динамических компонентов и многообразных связей между ними. Органичность и многоаспектность такого рода взаимосвязей предопределена изоморфностью «сетевидной» организации системы языка и системы мышления. Сетевая организация семантического пространства лингвокультуры в некотором роде выстраивается по аналогии с «сетевидной» структурой всей жизнедеятельной системы человека. Такого рода системный изоморфизм обуславливается синергетическим принципом взаимодействия языка и культуры, обеспечивающим единую целостность жизнедеятельности человека как социокультурного феномена.

Ключевые слова: синергетика, лингвокультура, когнитивно-дискурсивный, концепт.

Человек, будучи сложнейшей синергетически целостной системой систем, причем систем разноаспектных и динамических – биологической, психической, социальной, культурной – находится с каждой из подсистем и со всеми ими вместе взятыми в постоянном взаимодействии [см.: 1: 48–49]. В этом контексте вполне допустимой и логически оправданной представляется наша гипотеза, согласно которой взаимоотношение человека с семантическим пространством лингвокультуры является таким же синергетически сложным и многоаспектным системным взаимодействием.

Столь вероятностная, хотя и имплицитно выраженная, сложность обуславливается тем, что синергетическое пространство лингвокультуры конституируется наномасштабным множеством достаточно мобильных компонентов и многообразных

связей между ними. Более того, органичность и многоаспектность такого рода взаимосвязей предопределена изоморфной организацией анализируемой системы и её подсистем. Дело в том, что сетевая организация семантического пространства как бы наследует «сетевидную» структуру всей жизнедеятельной системы человека. Такого рода системный изоморфизм порождается *синергетикой*, обеспечивающей единую комбинаторную жизнедеятельность человека как социокультурного феномена. Именно системная синергетика лежит в основе слаженной «работы» всего когнитивно-семиологического механизма: 1) актуализация любого элемента семантической сети автоматически приводит к выполнению функциональных «обязанностей» всех других элементов единой синергетической системы; 2) результаты синергетического взаимодействия человека с семантическими сетями, пройдя фильтрацию в кратковременной памяти, закрепляются в аналах *памяти долговременной*.

Синергетическое взаимодействие, по определению основоположника синергетики Г. Хакена, – это «совместное действие многих подсистем, в результате которого на макроскопическом уровне возникает структура и соответствующее функционирование» [2: 16].

Понятие взаимодействия в лингвокультуре разных ценностно-смысловых явлений существенно обогатилось за счёт включения в него таких синергетических процессов, как:

- нелинейной эволюции сложных динамических подсистем (языка, дискурса, культуры),
- явлений, вызываемых закономерной необходимостью или случайностью,
- процессов бифуркации (*бифуркация* – зона разветвления путей перехода системы в новое качественное состояние;

* © Алефиренко Н.Ф.

точка ветвления возможных путей эволюции системно организованного явления лингвокультуры),

▪ самообразование диссипативных структур (после завершения бифуркации возникновение из ранее неупорядоченных образований относительно устойчивых структур той или иной лингвокультуры). Диссипативность – особое динамическое состояние лингвокультуры в результате активного взаимодействия открытых неравновесных систем. Данное понятие охватывает динамику *самоорганизации сложных открытых неравновесных, неустойчивых, нелинейных систем*, которые спонтанно, путём *взаимодействия внутренних факторов* их эволюции создают в ходе бифуркаций качественно новые структуры лингвокультуры. Причём завершение бифуркационного перехода локальной системы в новое качество полностью исключает возможность её возвращения к прежнему состоянию. Процесс становится необратимым. Такие необратимые процессы и приводят к возникновению нового типа динамических состояний материи, названных И. Пригожиным *диссипативными структурами*. Так, слово *яблоко*, например, в первом значении – ‘плод яблони’ – лишено этнокультурного компонента. В составе же фраземы *яблоко раздора* оно, обогатившись дискурсивно-синергетическими смыслами, приобретает культурно значимое значение – ‘то, что порождает ссору, раздор’. Обратный процесс лингвонезиса невозможен.

Культурно маркированное слово всегда несёт информационную синергию. Даже если мы её не до конца осознаём, она подсознательно проявляется в сущностном и звуковом виде. С другой стороны, смысловое содержание концепта, обозначенного таким словом, также синергетично (энергетика самого звукоряда, обобщённого образа предмета, дискурса, опыта и т.п.).

Синергетическое взаимодействие на современном этапе развития науки играет системообразующую роль главной основы постмодернистской концепции [3] лингвокультурологии – когнитивно-дискурсивной. Интегрируясь с другими динамическими процессами сложных систем, оно кладёт начало радикальному сдвигу лингвистического мышления от исследований статики состояния явлений лингвокультуры к постижению процессов их эволюци-

онной динамики. В отличие от классических парадигм, теория синергетического взаимодействия нацеливает на исследование не столько устоявшегося в лингвокультуре, а *становящегося*, не на бытие «культуры в языке», а на *динамику* процессов его эволюции. Такой подход, можно надеяться, позволит увидеть мир лингвокультуры из другой, динамической, системы координат.

Сетевой принцип присущ организации когнитивно-дискурсивных структур как в системе языка, так и в тексте, рассматриваемых в комплексе взаимодействующих языковых, внеязыковых и интеллектуальных факторов. В системе языка сетевой принцип лежит в основе организации словарного состава языка в целом и лексикона отдельной языковой личности. Ю.Н. Караулов относит лексикон к ассоциативно-семантическому уровню структуры языковой личности. В его концепции данный уровень представляет «ассоциативно-семантическую сеть с включенной в нее и в значительной мере лексикализованной грамматикой» [4: 87]. Такое понимание сетевой организации лексикона оказывается особо перспективным при когнитивно-семиологическом анализе функционирующего в дискурсе слова. Дело в том, что слово в дискурсе «живёт» не столько как языковой знак, кодирующий ту или иную информацию, сколько как «номинативная единица лексикона: компонент общей структуры памяти, связанный через свое лексическое значение с другими компонентами того же уровня ассоциативными связями и образующий семантическую сеть индивидуального лексикона» [5: 109]. Напомним, что в психолингвистике под индивидуальным лексиконом понимается невербализованная часть внутреннего лексикона человека в общей структуре его долговременной памяти.

Слово же, как оперативный элемент долговременной памяти, через своё лексическое значение находится в системно-ассоциативной связи с другими элементами того же уровня, образуя семантическую сеть индивидуального лексикона.

Семантическая сеть каждого языка плетётся посредством этнокультурной системы значений, свойственной каждому отдельному языку. Такой системно-синергетический принцип ассоциативно-смыс-

ловой организации семантической сети обеспечивает её доступность каждому носителю языка, несмотря на различия в их языковых компетенциях и в фоновых знаниях. Такая организация семантической сети предопределяет своеобразие предмета когнитивно-семиологического исследования. Для первой части когнитивной семиологии основополагающим является весьма ёмкое положение, сформулированное Н.Д. Арутюновой: «Теория значения, – пишет автор, – занята выяснением того, как язык структурирует и систематизирует внеязыковую данность, какие типы признаков (параметры объектов) в ней выделяет, какими средствами описания физического и духовного мира (материального и идеального) обладает и как его оценивает. В системе значений закреплены все те понятия, которые сложились у каждого народа в ходе его познавательной, трудовой, социальной и духовной активности» [6: 10–11]. Ассоциативно-смысловая структура семантической сети не только не противоречит, но и непосредственно проецирует необходимость второй части нашего подхода – семиологического анализа слова в дискурсе. Наоборот, когнитивно-семиологическая теория слова ориентирована на осмысление взаимосвязей системной и дискурсивной семантики культурно мотивированных номинаций.

Данная теория исходит из положения о том, что система значений конкретного языка благодаря своей ассоциативной организации (а) способствует адекватному пониманию и интерпретации концептуальной информации, передаваемой с помощью текста, и (б) обеспечивает стабильность языковой системы в целом [ср.: 7: 41]. В процессе выбора слова для построения вербальной формы текста активизируется система значений языка, которая, в свою очередь, активизирует лежащую в ее основе концептуальную сеть соответствующей культуры. В результате происходит ассоциирование фрагментов языковой и внеязыковой информации с конкретными лексическими единицами. А.М. Шахнарович выделяет в процессе вербализации понятийного содержания следующие этапы: «...между фрагментом действительности и отражающим его высказыванием лежит процесс структурирования действительности с особой целью – обозначить выделенные элементы ситуации при помощи языковых средств.

Именно этот процесс и находится в основе овладения семантикой, формирования семантических структур. По всей видимости, этот процесс характерен и для порождения речевого высказывания» [8: 51].

На этапе вербализации, которая определяется как переход от коммуникативной потребности к тексту (Б.Ю. Городецкий), часть неязыковой информации ассоциируется в рамках соответствующего фрейма с языковой. Надо полагать, что механизмы, описанные А.М. Шахнаровичем, универсальны, т.е. присущи всем видам коммуникации: моноэтнокультурной, моноэтноязыковой и межъязыковой. Однако этого нельзя сказать о механизме семиологической интерпретации смыслового содержания слова, реализуемого в условиях разных дискурсов. Это объясняется тем, что дискурс – категория лингвокультурологическая [см.: 9: 9]. Семиологический анализ слова показывает, что разные «дискурсивные идеологии» порождают разные аксиологические коннотации, в результате чего в семантике слова развиваются специфические культурно мотивированные семы. Причем в процессе такой культурно мотивированной номинации из общекультурного фонда соответствующий объект действительности выделяется классифицирующей деятельностью этноязыкового сознания не отдельного субъекта речи, а всем этнокультурным коллективом в ходе его исторического развития. В итоге семантика таких знаков-обозначений, несмотря на изначальную вариативность, в пределах одного и того же лексикона характеризуется инвариантной структурой.

Рассмотрим в качестве культурно мотивированной номинации такое «яркое» для русского лексикона слово, как *хлеб* и его производные ассоциативно-образного характера (*хлеб всему голова, хлеб-соль, хлебом не корми, перейти на свой хлеб* и т.п.).

Концепт “Хлеб” в русской лингвокультуре соотносится с мифологизированным фрагментом действительности. В основе мифа, как известно, лежит архетип – устойчивый образ, постоянно актуализированный в сознании каждого члена данного языкового сообщества и имеющий этнокультурную ценность. Пожалуй, наиболее мифологизированной лексемой в нашей этнокультуре является слово *хлеб*. Что же

дает мифологизация для когнитивно-семиологического осмысления этого слова? Видимо, в поисках ответа на этот вопрос следует разобраться в мифологизации как явлении этнокультуры. В теории В.Н. Топорова сущность мифологизация заключается в «создании наиболее семантически богатых, энергетичных и имеющих силу примера образов действительности» [10: 5].

Словарная дефиниция слова *хлеб*, его семантика в типовом лексиконе русского языка полностью совпадает с соответствующим описанием данного концепта в энциклопедии: «продукт питания, выпекаемый из муки». При этом сравнение словарной дефиниции с описанием концепта «Хлеб», составляющего экстралингвистический мотив данной номинации, в семантической структуре слова *хлеб* отсутствует смысловой признак оценочности, тогда как оценочность составляет неотъемлемую часть концепта «Хлеб» – важнейшей составляющей русской культуры. В содержание концепта «Хлеб» входит достаточно широкий спектр оценочных смыслов: ‘жизненная необходимость’, ‘важнейшее средство существования’, ‘источник жизненной энергии’ и т.п. Ассоциативное поле, сформированное в смысловом пространстве русской культуры или на ее фоне, почти незаметно восполняют дискурсивные смыслы, сконцентрированные между семантической структурой слова *хлеб* и смысловым наполнением одноименного концепта. Особенно явно эти смыслы эксплицируются в тех вторичных и косвенно-производных номинациях, в компонентный состав которых входит данная лексема. Ср. такие, например, вторичные номинации, как *хлѣбы* – ‘печеный хлеб в той или иной форме (каравай, буханка, коврига и т.п.)’, *хлебá* – ‘злаковое растение, из зерен которого готовится мука’, *хлеб* – ‘заработок’. Косвенно-производные номинации имеют ярко выраженный дискурсивный смысл. Так, идиома *хлеб насущный*, восходящая к пословице, образованной на основе молитвы, приводимой в Новом завете, – из учения Иисуса о молитве: «*Хлеб наш насущный даждь нам днесь (Хлеб наш насущный дай нам на сей день)*» (Мф., 6, 11) означает ‘необходимые средства для жизни, для существования, нечто существенное, исключительно важное, жизненно необходимое’; *на хлебах*

у кого – устар. ‘получая за плату жилье и стол в чужой семье’, *хлебом не корми* кого – ‘ничего не надо кому-либо (только бы иметь возможность получить, осуществить желаемое). Выражение сильного пристрастия, желания, устремления и т.п.’; *сидеть на хлебе и <на> воде* – ‘жить впроголодь’, *сидиться на хлеб и воду* – ‘лишить себя самого необходимого в еде; ограничивать себя в самом необходимом’, *сажать на хлеб и воду* кого – ‘наказывать голодом, лишением пищи, ограничением в пище’, *перебиваться с хлеба на квас* – ‘жить очень бедно, терпеть нужду, лишения’. *отбивать [перебивать] хлеб* у кого – ‘лишать кого-либо заработка или возможности заработка, берясь за эту же работу, дело, занятие и т.п.’, *хлеб да соль* – ‘приятного, хорошего аппетита! Пожелание тому, кого застали за едой’, *хлеб-соль* – ‘1) угощение, 2) заботы, попечение’, *водить хлеб-соль* с кем – прост. ‘находиться в приятельских, дружеских отношениях’, *хлеб-соль ешь, а правду режь* – ‘говори правду, ни на что не взирая’, *даром хлеб есть* – ‘жить напрасно, не принося никакой пользы’, *забывать хлеб-соль* чью, какую – ‘проявлять неблагодарность по отношению к тому, кто оказывал гостеприимство и расположение’; *хлеба не просит* – ‘что-либо не беспокоит и поэтому не стоит его лишаться’, *хлебное ремесло* (ср.: *И воровство ремесло (да не хлебное)*) – ‘полезное и благородное занятие’; Наиболее значительными являются дискурсивные преобразования слова в составе пословиц. Ср.: устар. *Свой хлеб приедается; Чья земля, того и хлеб; Чья земля, того и городьба.*

Особенно значимы смысловые дискурсивно-синергетические компенсации, вместо утраченных системных значений, получают номинации, культурно мотивированные тем или иным дискурсивным содержанием книжного или публицистического характера. Ср.: *Хлеба и зрелищ!* (книжн. или публ.) – выражение из 7-й сатиры Ювенала (букв. *Panem et circenses* – «Хлеба и цирковых игр!»), ставшее при императоре Августе кличем черни, жаждавшей лишь двух вещей – пищи и развлечений. В современном общении употребляется в дискурсе, требующем обозначения потребностей невежественных, недалеких людей, жаждущих лишь пропитания и низкопробных развлечений. Еще более глубинного дискурсивно-семиотического анализа требуют

устойчивые выражения, косвенно связанные с изначальным дискурсом. Таковым является фразеологизм *хлеба и масла вместо пушек!* – лозунг европейских пацифистов, антонимически отталкивающийся от милитаристского лозунга гитлеровской Германии *пушки вместо масла* [см.: 11: 525].

Итак, как показывает когнитивно-семиологический анализ, культурно мотивированная номинация *хлеб* выполняет несколько важных функций: а) выражает в лексиконе русского языка этнически уникальное значение, б) своей внешней формой ограничивает соответствующий ему смысл в дискурсе, в) соотносит каждое своё дискурсивное значение с уже существующей семиотической системой русской культуры.

Данный когнитивно-прагматический эффект также достигается при помощи «сетевидной» структуры этноязыкового сознания. Точнее, благодаря исторически сложившимся и социально одобренным в этой культуре ассоциативным связям концепта «Хлеб» и тем индивидуальным ассоциациям, которые создают образно-смысловое поле того или иного человека как члена данного этнокультурного сообщества.

Поскольку культурно мотивированная номинация синергетически опосредована соответствующей дискурсивной аурой, дискурсивное исследование позволяет проникнуть в когнитивную структуру данной номинации. Основным способом такого проникновения служит когнитивно-семиологический анализ всех тех языковых средств, которые объективируют данную когнитивную структуру в тексте. Своеобразие лексического значения лексемы *хлеб* в рамках нормативного лексикона проецирует тот уникальный для русской культуры смысловой спектр, который разворачивается именно в дискурсе, благодаря актуализации потенциальных сем системного значения слова. По сравнению с ним употребление слова в художественном дискурсе провоцирует появление в его семантике дополнительного смыслового содержания.

При когнитивно-семиологическом подходе основным предметом лингвистических исследований становятся не отдельные лексемы с их системными значениями, а те синергетические потоки, которые выстраивают иерархию культурно мотиви-

рованных номинаций в целостной семантической сети соответствующего дискурса [12]. Факторами, определяющими статус культурно мотивированных номинаций в иерархии дискурсивных единиц, являются мотивы и установки субъектов речевого общения, оценка ими экстралингвистических условий коммуникации (познаваемой действительности, пресуппозиций, принятых в нашей культуре способов мифологизации отдельных объектов в рамках познаваемой действительности) [13]. Благодаря такого рода синергетическим факторам, кодируемые в дискурсе объекты обретают статус инвариантных культурно мотивированных номинаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Васильев И.А. Взаимодействие человека со сложной динамической системой // Первая российская конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов / Казанский ун-т. – Казань, 2004. – С. 48–49.
2. Хакен, Г. Синергетика / Г. Хакен. – М., 1980.
3. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-синергетическое направление в современном лингвистическом постмодернизме // Международный конгресс по лингвистике: Сб. материалов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2008. – С. 606–608.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
5. Яценко Е.Ю. Культурологические механизмы адаптации концепта к лексической системе языка // Реальность, язык и сознание: Межвуз. сб. науч. трудов. – Тамбов, 1999. – С. 109–113.
6. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. – М., 1982. – С. 5–40.
7. Kiklevicz A. Znaczenie i konceptualizacja w semantyce kognitywnej / A. Kiklevicz // Prace językoznawcze. VI. – Olsztyn, 2004. – S. 41–58.
8. Шахнарович А.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики / А.М. Шахнарович, И.М. Юрьева. – М., 1990.
9. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современной когнитивной лингвистике // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания. Сб. докладов. – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 9–18.
10. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995.
11. Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мо-

- киенко, С.Г. Шулежкова. – М., 2000.
12. Алефиренко Н.Ф. Когнитивные основания лингвосомиозиса // Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von P. Deutschmann. – Wien (Австрия): Praesens Verlag, 2007. – S. 379-395.
13. Slawincki J. Dzelo. Jenzyk. Tradycja / J. Slawincki. – Warszawa, 1974.

N. Alefirenko
 CONCEPT OF LINGVOCULTURAL
 SYNERGETIC SPACE

Abstract: Specificity of lingvocultural synergetic space is conditioned by its nanoscale structure of multitude of dynamic com-

ponents and multiform connections among them.

Seamlessness and many aspects of such correlations are predetermined by isomorphism of netstructural organization in linguistic system and thinking system. Netstructural organization of lingvocultural semantic space can be formed by the analogy with the netformed structure of all vital functions system. Such systemic isomorphism is conditioned by the synergetic principle of linguistic and cultural interaction which ensures the integrity of vital functions as socio-cultural phenomenon.

Key words: synergy, lingvoculture, cognitive, discursive, concept.

УДК 811.161.1'367.323.1

Букаренко С.Г.

СТЕРЕОТИПНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ ПОДЛЕЖАЩИХ-ХРОНОНИМОВ И ИМЕННЫХ СКАЗУЕМЫХ*

Аннотация: Статья посвящена анализу стереотипной сочетаемости подлежащих-хрононимов и именных сказуемых, проявляющейся при направленной ассоциативной реакции. Рассматриваются доминирующие способы выражения связки и присвязочной части указанного сказуемого.

Ключевые слова: подлежащее, стереотипная сочетаемость, ассоциативная реакция, именованное сказуемое.

Сопоставляя категории времени и пространства, В.С. Юрченко отметил: «... одномерное время является более простой и, следовательно, более фундаментальной категорией, чем трехмерное пространство» [1]. Поэтому закономерно, что исследованию времени как фрагменту языковой картины мира посвящено значительное количество лингвистических работ (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, М.В. Всеволодова, В.Г. Гак, Анна А. Зализняк, Н.В. Ивашина, Д.Г. Ищук, Ю.Д. Караулов, А.П. Клименко, Е.В. Ковалевский, Г. Крейдлин, Е.С. Кубрякова, Л.Н. Михеева, А.А. Новожилова,

Е.В. Падучева, Н.Н. Певцова, М.В. Пименова, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др.). Однако стереотипная сочетаемость подлежащих-хрононимов (П) и сказуемых (СК), проявляющаяся при мгновенной реакции, ещё не рассматривалась. Поэтому предлагаемая статья посвящена данной проблеме.

Для исследования стереотипной сочетаемости П-хрононимов и именованного СК использован материал, полученный в результате направленного ассоциативного эксперимента. Испытуемым-филологам предлагались П-стимулы, в том числе и П-хрононимы, с просьбой мгновенно назвать к ним СК. Для функции П-стимула были подобраны наиболее частотные хрононимы.

Известно, что объем хрононимов достаточно велик: только к лексической основе русского языка отнесено более 80 темпоральных существительных [2]. Из них, по данным частотного словаря, в первую сотню высокочастотных существительных входят три хрононима: *время, год, день* [3]. С учетом данных указанных двух словарей для функции П-стимула были отобраны как наиболее частотные, называющие: 1)

* © Букаренко С.Г.